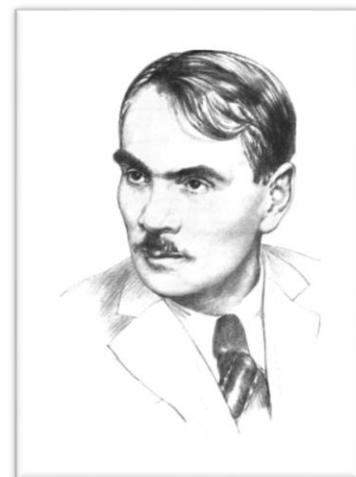

Родом из «Республики ШКИД»

22 августа – 110 лет со дня рождения русского прозаика, публициста, поэта, драматурга и сценариста Леонида Пантелеева

1908 – 1987 гг.

Леонид Пантелеев – настоящее имя Алексей Иванович Еремеев, родился 22 августа 1908 года в Петербурге в семье казачьего офицера, участника русско-японской войны, за подвиги получившего дворянский титул. Отец – Иван Адрианович в 1916 г. унаследовал семейное дело – деревообрабатывающий завод во Владимире и уехал туда. Мать – Александра Васильевна – после ухода из семьи Еремеева – старшего стала преподавать музыку, тем самым пытаясь прокормить детей. У Алексея был ещё брат Вася и сестра Ляля.

В октябре 1917 года, спасаясь от разворачивающихся кровопролитных боёв бегством, семья переезжает в Ярославскую губернию. Периодически Александра Васильевна возвращалась в Петербург. Оттуда она привозила вместе с вещами детям книги. Именно тогда начинается появляться интерес к литературному творчеству у Пантелеева. В семье, Леонида Ивановича называли «книжным шкафом» за его любовь к чтению. В 9 лет он начал сочинять стихи, пьесы и приключенческие рассказы.

Вспоминая позже своих родителей, писатель признавался, что с отцом у него душевной близости не было. «О какой близости можно говорить, – пояснял Алексей, – если, обращаясь к отцу, я называл его на «вы». Но это не означало, что Еремеев стыдился отца.

Он подчёркивал: «Но образ отца я с гордостью и любовью пронёс в памяти своей и в сердце через всю жизнь. Сказать светлый образ – было бы неправильно. Скорее – тёмный, как почерневшее серебро. Рыцарский – вот самое точное слово».

Сильное влияние на писателя в детстве оказала его мать. Она, как признавался писатель, стала первым наставником своих детей в вере.

В октябре 1918 года Александра Васильевна решает перевезти детей в Татарстан. Они поселяются в небольшом городе вблизи реки Кама. Но уже через год, Еремеева с маленькой дочкой уезжает уже в советский Петроград. Брат Василий уезжает на заработки в село. Побывал там и Алексей. Но недолго - всего пару месяцев. Из-за постоянных побоев он сбегает к тётке. Она отправляет родного племянника в детский дом, откуда он сбежал в первый же день и отправился на поиски матери в Петроград.

Так начинаются скитания будущего писателя по стране, продлившиеся почти два года. За это время ему пришлось побывать ещё в одном детском доме, в детской колонии имени III Интернационала, преодолевать огромные расстояния пешком под палящим солнцем или в лютый мороз. Пару раз он оказывался в больнице. Постоянно хотелось есть. Но денег неоткуда было взять и Пантелееву приходилось красть хоть какую-то еду, чтобы не умереть с голоду.

Лишь в конце лета 1921 г. ему удалось добраться до Петрограда и отыскать семью. Все были живы и здоровы, кроме отца. Еще в 1919-м году ЧК арестовала Еремеева- старшего. Он содержался в холмогорском изоляторе и там был расстрелян.

Жизнь пошла своим чередом. Александра Васильевна устроилась на работу, а Лёша пошёл учиться в гимназию Гейдера. К тому времени её переименовали в Единую Трудовую Школу 149. Но учиться он там не смог из-за сложных взаимоотношений между учениками в классе. Через некоторое время его попросту исключили из школы за плохую дисциплину.

Интерес к литературе в тот год у Пантелеева увеличивается, и чтобы покупать книги он стал выкручивать лампочки и продавать их на рынке. Такое времяпровождение часто заканчивалось встречей с работниками уголовного розыска и милиционерами. Именно тогда сверстники прозвали его за отчаянный нрав Ленькой Пантелеевым, сравнивая со знаменитым питерским налетчиком. Но в 20-е годы носить фамилию бандита было безопаснее, чем указать, что отец у тебя – казачий офицер, а мать – дочь купца первой гильдии, пусть даже из архангельско-холмогорских крестьян.

В конце 1921 года Алексей попал в петроградскую Комиссию по делам несовершеннолетних, а оттуда был отправлен в Школу социально-индивидуального воспитания имени Достоевского, знаменитую Шкиду.

Это удивительное заведение впоследствии сравнивалось то с дореволюционной бурсой, то с пушкинским лицеем. Беспорядки занимались в школе, писали стихи, учили иностранные языки, ставили пьесы, выпускали свои газеты и журналы. «Кто поверит теперь, — было написано позже в одной из глав «Республики ШКИД», — что в годы войны, голодовки и бумажного кризиса в шкидской маленькой республике с населением в шестьдесят человек выходило шестьдесят периодических изданий — всех сортов, типов и направлений».

В Шкиде Еремеев провел не так много времени, всего два года, но впоследствии не раз говорил о том, что именно здесь он получил энергию на восстановление в жизни. Там же судьба впервые столкнула Еремеева с его будущим соавтором Григорием Белых. Он, как и Алексей, рано остался без отца. Мать на жизнь зарабатывала стиркой белья. Сын оказался без присмотра. Бросив школу, мальчишка устроился на вокзал носильщиком. Но денег катастрофически не хватало, и парнишка стал подворовывать.

В Шкиде друзья тоже долго не задержались. Они отправились в Харьков, где поступили на курсы киноактёров, но потом оставили и это занятие, и некоторое время занимались бродяжничеством.

В 1925 году друзья вернулись в Ленинград, где Алексей жил у Белых в пристройке к дому на Измайловском проспекте. В 1926 году Белых предложил написать книгу о родной школе.

Будущие летописцы купили махорки, пшена, сахара, чая и приступили к делу. Узкая комната с окном, выходящим на задний двор, две койки и небольшой стол — больше им ничего не было нужно.

Они задумали 32 сюжета и разделили их пополам. Каждому автору предстояло написать 16 глав. Поскольку Еремеев попал в школу позже Белых, первые десять глав пришлось на Григория. Впоследствии Алексей Иванович охотно приписывал успех книжки своему соавтору: именно первые главы сконцентрировали все самое яркое, неожиданное, конфликтное и взрывное, чем отличалась Шкида, и приковывали внимание читателя.

Юные соавторы не подозревали, что их ожидает успех. Написав книгу, они понятия не имели, куда ее нести. Единственным «литературным» деятелем, которого ребята знали лично, была товарищ Лилина — заведующая отделом народного образования. Она пару раз присутствовала на торжественных вечерах в Шкиде. Еремеев хорошо запомнил выражение ужаса на лице товарища Лилиной, когда она увидела пухлую рукопись, которую к ней приволокли два бывших детдомовца, и поняла, что ей придется это читать. «Конечно, только по доброте душевной, из жалости она согласилась оставить у себя эту махину».

Соавторам повезло дважды. Лилина не просто прочла повесть, как обещала. Но еще и оказалась заведующей ленинградским Госиздатом, где в то время работали Самуил Маршак, Евгений Шварц и Борис Житков. Она тут же передала рукопись профессионалам.

...Их искали по всему городу. Белых и Еремеев не удосужились оставить даже адреса, мало того, выйдя из кабинета Лилиной, они крепко поссорились. Белых заявил, что идея нести сюда рукопись была от начала до конца идиотской, и он даже не намерен позориться и узнавать о результатах. Еремеев однако же не выдержал и через месяц, тайком от Гриши, все-таки пришел в Наробраз. Секретарша,

увидев его, завопила: «Он! Он! Пришел наконец-то! Куда же вы пропали! Где же ваш соавтор?» Целый час Лилина водила его по коридору туда-сюда, рассказывая, как хороша вышла книга. Ничего не соображающий от волнения Еремеев машинально засунул в коробок зажженную спичку, и коробок шумно взорвался, опалив ему руку, которую потом лечили всем Наробразом.

«Все сотрудники редакции читали и перечитывали эту объемистую рукопись и про себя, и вслух, — вспоминал Маршак. — Вслед за рукописью в редакцию явились и сами авторы, на первых порах неразговорчивые и хмурые. Они были, конечно, рады приветливому приему, но не слишком охотно соглашались вносить какие-либо изменения в свой текст».

Скоро из библиотек стали приходиться сведения, что повесть читают запоем, берут нарасхват.

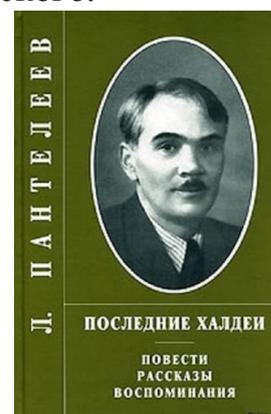
«Республику ШКИД» мы писали весело, не задумываясь, как бог на душу положит... — вспоминал Еремеев. — Мы с Гришей написали ее за два с половиной месяца. Нам ничего не надо было сочинять. Мы просто вспоминали и записывали то, что еще так живо хранила наша мальчишеская память. Ведь очень мало времени прошло с тех пор, как мы оставили стены Шкиды».

Когда книга вышла, ее прочитал Горький – и настолько увлекся, что стал рассказывать о ней своим коллегам. «Прочитайте обязательно!» Горький увидел и то, что дебютанты, возможно, изобразили волей-неволей – директора школы Виктора Николаевича Сороку-Росинского, Викниксора. Его он вскоре назовет «новым типом педагога», «монументальной и героической фигурой». А в письме к педагогу Макаренко Горький скажет, что Викниксор «такой же герой и страстотерпец», как и сам Макаренко.

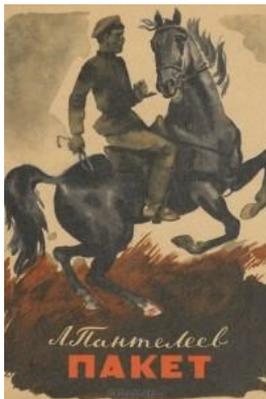
Однако Антону Семеновичу Макаренко, выходявшему тогда на лидирующее место в советской педагогике, «Республика ШКИД» не понравилась. Он прочел ее не как художественное произведение, а как документальное, и увидел в нем лишь «добросовестно нарисованную картину педагогической неудачи», слабости в работе Сороки - Росинского.

Вместе с Бельх Еремеев напишет ряд очерков под общим названием «Последние халдеи», рассказы «Карлушкин фокус», «Портрет», «Часы» и другие произведения.

Когда Алексей стал искать тему для второй книги, ему пришла идея написать рассказ «Пакет». В нем Алексей вспомнил историю, происшедшую с его отцом: «Добровольцем, или, как тогда принято было говорить, вольноопределяющимся отправился он на фронт Русско-японской войны. И вот однажды молодого офицера с важным донесением послали с боевых позиций в штаб командования. По дороге ему пришлось уходить от преследования, он отбивался от японского кавалерийского разъезда, был ранен навывлет в грудь. Истекал кровью, но

донесение доставил... За этот подвиг он получил орден Святого Владимира с мечами и бантом и потомственное дворянство... Было это на Пасху 1904 года... И вот я, зная эту кровно близкую мне историю с детства, словно забыл

ее на долгие годы, пока ее незаметно не подсунула мне память. И тогда, в 1931 году, сам не понимая, откуда возник сюжет моего рассказа «Пакет», я с кавалерийской лихостью разрешил моему воображению вольно и бесцеремонно разделаться с фактами жизни. Из 1904 года события перекинуты на пятнадцать лет вперед – из Русско-японской войны в Гражданскую. Хорунжий Сибирского казачьего полка превратился в рядового бойца буденновской Конной армии. Японцы – в белоказаков. Штаб генерала Куропаткина – в штаб Буденного. Владимирский крест с мечами и бантом – в орден Боевого Красного Знамени. Соответственно и все

остальное, весь антураж, колорит, лексика, фразеология и – главное – идейная подоплека подвига стали иными...».

Но впоследствии, не только написав рассказ, но и сделав сценарий о похождениях бывшего буденновца в мирное время, увидев две экранизации «Пакета», Алексей Иванович Еремеев понял, что подвиг отца не очень-то совместился с новыми обстоятельствами, в которых действовал его персонаж.

«Весь этот маскарад потому только и мог состояться и увенчаться каким-то успехом, что автор не знал и не понимал, откуда что... Сознательно я просто не решился бы так поступить, это, казалось бы, мне кощунством – и по отношению к отцу, и по отношению к герою». Еремеев воевал за веру, царя и Отечество с иноземными солдатами. А Трофимов - со своими соотечественниками. «Пакет» удовлетворения Алексею Ивановичу не принес.

В 1936 году соавтор Еремеева Григорий Белых был безвинно арестован. В «органы» настучал муж сестры Григория. Белых по бедности не платил ему за квартиру, и родственник решил проучить «писакну», передав тетрадь со стихами куда следует. Тогда это было в порядке вещей: решать мелкие бытовые проблемы с помощью доносов в НКВД. Белых дали три года. Дома остались жена и двухгодовалая дочка.

Еремеев пытался хлопотать за него, писал телеграммы Сталину, посылал в тюрьму деньги и передачи. Они переписывались все три года. «Трудно мне будет сунуться в Ленинград. Таких, как я, и с намордником не велено подпускать к триумфальным аркам Питера... Ну что ж, лучше смеяться, чем вешаться», — писал Белых.

Жена Белых, добившаяся с ним свидания, написала Еремееву: «Боюсь, что он живым не выйдет. По-моему, ему просто жрать нечего, хотя он скрывает это от меня».

Белых скрывал, что врачи обнаружили у него вторую стадию туберкулеза.

Последнее его письмо Еремееву: «Сталину писать не надо, ничего не выйдет, время неподходящее... Надеюсь я на свидание с тобой. Посидеть бы на табуреточке и поговорить с тобой о самых простых вещах... Разве нечего нам сказать о задуманном, об испорченном, о дурном и хорошем, чем несет в воздухе...». Последняя фраза была написана корявыми прыгающими буквами: «Все кончено...». Григорий Белых умер в 1938 году в тюремной больнице, едва достигнув 30 лет. А «Республика ШКИД» была надолго изъята из употребления.

В последующие годы Алексею Ивановичу не раз предлагали переиздать «Республику ШКИД» без имени соавтора, объявленного врагом народа, но он неизменно отказывался. Его имя в связи с этим отказом больше так же нигде не упоминалось. А в ОГПУ сам Еремеев был так же отмечен как сын врага народа.

После нескольких лет литературного молчания Алексей Иванович возвращается к впечатлениям детства: «Зимой 1941 года редактор журнала «Костер» попросил меня написать «на моральную тему»: о честности, о честном слове. Я, было, подумал, что ничего путного не придумается и не напишется. Но в тот же день или даже час, по пути домой, стало что-то мерещиться: широкий приземистый купол Покровской церкви в петербургской Коломне, садик за этой церковью... Вспомнилось, как мальчиком я гулял с нянькой в этом саду и как подбежали ко мне мальчишки старше меня и предложили играть с ними «в войну». Сказали, что я – часовой, поставили на пост около какой-то сторожки, взяли слово, что я не уйду, а сами ушли и забыли обо мне. А часовой продолжал стоять, потому что дал «честное слово». Стоял и плакал, и мучился, пока перепуганная нянька не разыскала его и не увела домой».

Так был написан хрестоматийный рассказ «Честное слово». Рассказ настороженно был встречен коммунистическими хранителями классовой морали. Их обвинения сводились к тому, что герой из рассказа Пантелеева в своих представлениях о том, что такое хорошо и что такое плохо, опирается на собственное понимание о чести и честности, а не на то, как они истолкованы в коммунистической идеологии.

Сам писатель на эти обвинения не обращал внимания. Он нашел ключ к самовыражению.

Когда началась война, Еремеев попал в список неблагонадежных. В начале сентября 1941 года милиция хотела его выслать из Ленинграда. Писателю испортили паспорт, перечеркнув штамп о прописке, и дали предписание срочно отправиться на Финляндский вокзал. Еремеев вынужден был перейти в родном городе на нелегальное положение. Но вскоре стало ясно, что без продуктовых карточек ему не выжить. К марту 1942 года он совсем обессилел. Врач «Скорой» поставил писателю диагноз – дистрофия III степени и парез конечностей. От голодной смерти Алексея спасла главврач больницы на острове Каменный, чья семья оказалась его читателями.

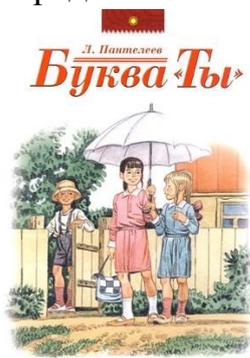
Обо всех этих обстоятельствах узнал Самуил Маршак. Он пошёл к Александру Фадееву и добился, чтобы больного писателя вывезли из блокадного города в тыл. Позже на основе своих дневников Еремеев выпустил книги «В осаждённом городе» и «Живые памятники» («Январь 1944»).

Писатель рассказывал:

«Тогда там, на Каменном острове, неподалеку от госпиталя, был лодочный перевоз. На перевозе работал мальчик лет четырнадцати-пятнадцати. И вскоре я написал рассказ «На ялике» – о мальчишке, который занял место перевозчика-отца, который погиб от осколка фашистской бомбы. И не сразу я понял, что в рассказе очень сложно переплелись, сочетались впечатления 1942 года и впечатления года 1913-го, то есть даже до начала Первой мировой войны.

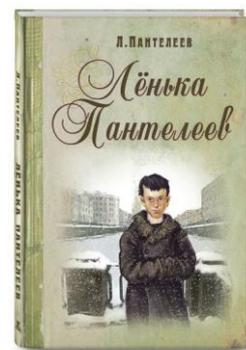
Мне не было и шести лет, мы жили на даче в двадцати верстах от Шлиссельбурга, на Неве. В конце августа утонул молодой перевозчик Капитон, оставив сиротами детей – мальчика и девочку.

Это была первая в моей жизни встреча со смертью, и вот эти ранние детские впечатления и переживания, горечь этих переживаний, перемешавшись с впечатлениями и переживаниями другими, блокадными, и подстрекали, взволновали мое воображение, когда я писал рассказ «На ялике». Память моя даже имя маленького перевозчика мне подсказала: я назвал его Матвеем Капитоновичем. И Неву, с ее запахами, с ее черной водой, я писал не ту, которую видел перед собой блокадным летом, а ту, что сохранила от детских лет моя память».

За годы забвения Леонидом написаны, и впоследствии опубликованы рассказы «Маринка», «Гвардии Рядовой», «О Белочке и Тamarочке», «Буква «Ты», «В осаждённом городе», воспоминания о Горьком, Чуковском, Маршаке, Шварце и Тырсе.

Пантелеев решает переработать свою довоенную повесть «Ленька Пантелеев», за которую взялся, решив рассказать предысторию героя «Республики ШКИД». Но переработка не получилось. Книга «Ленька Пантелеев» вышла в начале 50-х годов и была названа автором автобиографической повестью, в чем он впоследствии не раз публично раскаивался.

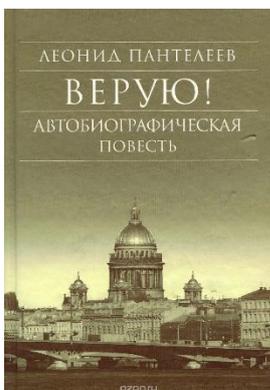
Вернуться в литературу Пантелееву удалось лишь после смерти Сталина, когда в защиту писателя выступили Чуковский и Маршак. Лишь в начале 60-х годов начались переиздания «Республики ШКИД». Кроме того, в 1965 году Алексей Иванович подготовил к печати и выпустил повесть Белых «Дом веселых нищих».

В 1966 году вышла книга Еремеева «Наша Маша», дневник о дочери, который Еремеев вёл в течение многих лет. Она стала своеобразным руководством для родителей, а некоторые критики даже поставили её в один ряд с книгой Чуковского «От двух до пяти».

Писатель снова завоевал былую известность: его произведения не только печатали, но и активно экранизировали. В 1966 году режиссер Геннадий Полока поставил по книге «Республика ШКИД» фильм с одноименным названием. Картина также стала невероятно популярной. Но Еремееву фильм не понравился. Прочитав сценарий, он разнервничался, выставил около 200 замечаний.

На студии «Ленфильм» проигнорировали претензии Еремеева. «Шкида не была институтом благородных девиц, — писал он. — Сюда привозили со всех концов Петрограда самых отъявленных бузовиков и головорезов, процветали воровство, картежные игры, ростовщичество. Но было и другое — то, что позволило Маршаку сравнить нашу школу Достоевского с Царскосельским лицеем. Мы учились, и учились охотно, без принуждения, по 10 часов в день. Мы много и с увлечением читали, писали стихи. Ничего этого, или почти ничего, в фильме нет».

В повести «Верую...» он честно и без поблажек к себе рассказал о своей жизненной драме, драме верующего человека в атеистическом государстве, каким был Советский Союз. Он регулярно ходил в Князь-Владимирский собор на службы. Алексей Еремеев с детства и до последних дней был глубоко верующим человеком. Но жизнь его сложилась так, что он вынужден был скрывать свою религиозность. «Всю жизнь, исповедуя христианство, я был плохим христианином...» — так начинается повесть «Верую...», опубликованная после его кончины в 1987 году. И там же он заметил: «Исповедование христианства не может быть комфортабельным».

В «Верую...» Еремеев подводит итоги своей жизни: «И все-таки я не могу не считать себя человеком счастливым. Да, жизнь моя пришлась на годы самого дикого, самого злого, жестокого и разнузданного безбожия, всю жизнь меня окружали неверующие люди, атеисты, в юности было несколько лет, когда я на себе испытал чёрный холод безверия, а между тем я считаю, что мне всю жизнь самым чудесным образом везло: я знал очень многих людей духовно глубоких, верующих, ведающих или хотя бы ищущих Бога. Я не искал этих людей, ни они меня не искали, а просто так получалось, будто сам Господь посылал нас друг другу навстречу...»

Алексей Еремеев скончался в Ленинграде 9 июля 1987 года.

Похоронен в Ленинграде на Большеохтинском кладбище.

Использованные материалы:

- Материалы сайта <https://chtoby-pomnili.livejournal.com/>
- Материалы сайта www.rian.ru
- Материалы сайта www.ruscenter.ru
- Материалы сайта www.aero-don.ru
- Текст статьи «В детство – за честным словом», автор С. Дмитренко
- Текст интервью с Н. Н. Брауном «Сохранить бессмертную душу» (записал М. Сизов)
- Текст статьи «Драма плохого христианина: Леонид Пантелеев», автор В.Огрызко

